

Рост числа личных библиотек, активный книгообмен, лотереи на подписные издания, мгновенно расходящиеся тиражи для продажи по талонам за сданную макулатуру — все это красноречиво говорит об огромном интересе к книге в широких читательских массах. В рядах Всесоюзного добровольного общества любителей книги сейчас насчитывается около 15 миллионов человек. Разные аспекты отношения к книге стали темой нашей беседы с главным редактором «Альманаха библиофила», писателем **ЕВГЕНИЕМ ОСЕТРОВЫМ**.

— Евгений Иванович, в последнее время ваш «Альманах» стал одним из тех заманчивых изданий, которые весьма нелегко приобрести. Скажите, какому кругу читателей предназначен «Альманах»? Характер издания уникален, однако тираж его массовый, довольно внушительный.

— Наш «Альманах библиофила» действительно стал одним из самых популярных, а потому и современных серийных изданий, которые ищут. Его тираж вырос за десять лет с 25 до 50 тысяч экземпляров. Сейчас планируем дальнейшее увеличение до 100 тысяч. Для такого издания цифра довольно солидная. Порядковый номер юбилейной книжки 13-й, по-моему, многие из материалов этого выпуска поражают наших постоянных читателей. Если раньше «Альманах библиофила» выходил два раза в год, то в самое ближайшее время переходит на четырехразовый выпуск... И все же думаю, что альманах по-прежнему будет в списке книг, которые нелегко приобрести. «Книжный голод» отечественного читателя поистине неутолим. Правда, когда мы говорим о «книжном голоде», все-таки не надо забывать, что понятие это сугубо условное. Мы — великая книжная держава мира. Никогда еще на планете не выбрасывались такие килы типографской продукции. Книг много и мало. Чем это вызвано? Причин много.

Все умеют читать. В книге нуждается каждый. Редко встретишь квартиру, в которой нет книжной полки. Но верно ли мы обращаемся с напечатанным? Как направить стихию читательского спроса в нужное русло? Как воспитать талантливого читателя, его вкус? Каким образом отучить читательские массы брать все подряд?.. Вопросы нелегкие. Дать на них однозначные ответы невозможно. В какой-то мере ответить на них, разрешить важную проблему и призван «Альманах библиофила». Разумеется, он прежде всего ориентирован на подогретого читателя, на людей, страстно влюбленных в книгу, чтение которых отличается развитым вкусом. Ведь в буквальном переводе библиофильство и означает любовь к книге. Но подобный высокий ориентир нашего издания не мешает, а наоборот, из года в год помогает нам расширять круг наших постоянных читателей, вырваться из узкого круга чистых любителей к широкой читательской массе, в конце концов заразить рыцарским преклонением перед книгой всех, даже тех, кому случайно попал в руки наш альманах, каждая страничка которого — это, по существу, признание в любви к книге.

— Не кажется ли вам, что у некоторых людей эта любовь превращается в

страсть, приобретает гипертрофированный характер?

— Мы — народ и страна — взрастили талантливого писателя. Теперь дело за талантливым читателем. Выбрать книги для своего чтения не только наука, но и величайшее искусство. Когда я вижу очередь, выстроившуюся после привоза литературы в магазин на Кузнецком мосту в Москве, то всегда испытываю щемящее чувство жалости к людям, томящимся в ожидании очередной случайной покупки. Что прода-

Евгений ОСЕТРОВ

Сокровищница или склад?

ют? «Письма Плиния Младшего», детектив или стихи — безразлично... Они-то уж, разумеется, приобретут новую книгу. Большинство ее прочтает. Но в очереди полно и таких, что жаждут покупку ради самой покупки. Поставил на полку и будет хвалиться: «У вас нет, а у меня вот есть!». Сказать, что читатель состоит из таких вот покупателей, было бы ошибкой. У нас много рыцарей книги! Но, увы, иные из читателей — это люди из той самой вечной очереди в столице, в провинции. Это покупатели, но не читатели. Это книгоманы, но не книжники. Они «стоят» в очереди даже у себя дома: последним в очереди к давно купленной книге. Белинский говорил: «Величайшее сокровище — хорошая библиотека». В наши дни это стало непререкаемой истиной. Личные собрания растут день ото дня, но громада книг — это еще не библиотека. Библиотека — это золотые крупницы, отмытые тобой из песчаного моря изданий. Книги становятся библиотекой только при одном условии: они должны быть пропущены сквозь сердце, просеяны и отобраны твоим умом и вкусом. Как никогда, сейчас своевременно перифраз: скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты... Книг полно во многих домах, а библиотек единицы.

— Какие же книги надо собирать? Как бороться с потребительским бумом?

— На мой взгляд, для собирательства есть два пути. Или покупать книги, необходимые для работы, или собирать любимые издания по искренней и осознанной до конца сердечной склонности. Конечно, возможны и, как теперь говорят, совмещенные варианты. Полки с книгами тружениками могут вполне соседствовать с книгами — любимыми друзьями.

Мне как-то пришлось любоваться книгами, выпущенными в течение одного только дня в нашей стране. Передо мною было целое созвездие, освоить которое нелегко. Одна из причин книжного накопительства в том, что наш читатель стоит перед Гималаями книг. Но стоит в растерянности от десятков и сотен соблазнительных названий, известных и неизвестных фамилий авторов. Чему отдать предпочтение? Или брать все наугад, на авось? Посмотрите, как у нас поставлено дело с рекомендательной библиографией. «Сто книг, которые должен прочитать каждый»... По многочисленным просьбам я как-то составил

такой список на свой страх и риск, стал показывать прозаикам, поэтам, ученым, врачам, водителям такси... Какие споры начались! У каждого свое мнение, но при этом многие твердо убеждены, что такой список необходим. Ведь действительно, есть книги, которые должен знать каждый.

— А как вы относитесь к той же «Королеве Марго»? К перечню книг, продаваемых на талоны за сданную макулатуру?

— Многие, особенно юные книголюбители, гонятся за этим

романом. Я ничего не имею против восхитительной «малой» классики — ее следует знать каждому. В этом смысле список книг «на талоны» удовлетворителен. Но нельзя же на протяжении долгих лет довольствоваться «Королевой Марго» и ей подобными!

— Наверное, вы читали о трагикомической истории, которая приключилась в одной семье, где великовозрастный сын продал тайком от родителей всю Библиотеку всемирной литературы, оставив в стеклянных шкафах только суперобложки, набитые резанной бумагой...

— Да! И пропажа обнаружилась родителями только через два года.

— Разумеется, подобное скопище книг в такой семье — всего лишь мертвый склад, престижное кладбище, но только не библиотека. Евгений Иванович, а чьи личные библиотеки-собрания произвели на вас впечатление?

— Сначала об одном впечатлении со знаком минус.

Мне однажды пришлось побывать дома у плодovitого, но, увы, малоинтересного беллетриста. Вполне современный человек, он собирал все, в том числе и книги. Какие же книги я увидел? Мне сразу вспомнился пушкинский герой, который «отрядом книг уставил полку, читал, читал, а все без толку». У беллетриста составила библиотека из книг, подаренных авторами-приятелями. Книг множество, но единого цельного образа нет и в помине: какая-то бездумная мешанина, литературный винегрет. Поражало обилие пустых и ничтожных изданий. Удивительный случай: весьма обширное собрание говорило скорее о равнодушии, чем об увлечении, не говоря уже о подлинной любви к книге. Особенно удивило меня полное отсутствие изданий классиков — отечественных и зарубежных. Когда я спросил об этом хозяина, тот с недоумением ответил: «Ну, знаете, классиков я прочитал еще в ранней юности».

Собрание книг повествует о своем владельце пространно и без утайки, оно говорит даже о том, что он хотел бы скрыть. Тогда я отчетливо понял, где истоки духовной бедности героев его повестей, чем объяснить убогий язык его беллетристики. Конечно, это редкое исключение, потому что большинство писателей — люди, бесконечно влюбленные в книгу. Многие известные авторы имеют уни-

кальные книжные собрания. Например, широкой известностью пользуется библиотечка прижизненных изданий поэтов, собранная И. Н. Розановым. Единственные в своем роде библиотеки создали Л. М. Леонов, К. А. Федин, М. В. Исаковский. Рассматривая, например, библиотеку Леонова, я могу себе представить, каков был круг чтения, а следовательно, и духовных интересов героев «Русского леса». Я могу догадаться о дальних книжных истоках поэтической и проникновенной —

такой леоновской по настроению! — лекции Ивана Вихрова, посвященной судьбам русского леса... Но все же самое блистательное книжное собрание было у моего старшего друга, знаменитого библиофила Николая Павловича Смирнова-Сокольского. Вот уж кто яростно выступал против бессмысленного собирательства книг, диктуемого либо корыстью, либо желанием похвастаться, либо известного рода модой.

Основная тема собирательства Смирнова-Сокольского была связана с историей русской журналистики. Николай Павлович собрал почти все, за редчайшим исключением, литературные альманахи и сборники, начавшие появляться на Руси с XVIII столетия. Другой крупный раздел — русские журналы. А еще один был посвящен книгам восемнадцатого столетия. Обширнейший раздел составила Пушкиниана. Вот кто был истинным книголюбом! «Книга — оркестр, все инструменты в котором должны звучать гармонично», — говорил он.

— Какие, на ваш взгляд, могут быть приняты меры организационного характера для более полного удовлетворения спроса на книгу?

— Нужно искать новые пути. Например, почему так мало используется новейшая копировальная техника? Ведь сравнительно недорого и в предельно короткий срок можно заказать и получить копию редчайшего издания, выпущенного у нас. Дело это налажено у нас слабо. Я не сомневаюсь, что одному из наших издательств следует устроить выпуск книг-копий. Не случайно на старых книгах встречаются записи: «Горе тому, кто черкает у книг по полям, на том свете бесы исчеркают ему лицо железом!», «Эту книгу ни прода-ти, ни отдать нельзя...»

числе наши. Пример, достойный подражания!

— Не кажется ли вам, что любовь к книге обернулась еще одной неприятной стороной: стало дурным тоном просить почитать книжку из личной библиотеки, даже у приятелей? Перестали давать свои книги.

— Не люблю, терпеть не могу «скупых рыцарей». Да, они есть, живы и действуют. Не забуду побледневшее лицо одного такого усердного собирателя, когда я попросил разрешения сделать выписки из необходимой мне для работы редкой книги. Собирателю было совестно отказать мне в просьбе, но вся его скупердйская душа протестовала против того, чтобы кто-то пользовался его библиотекой.

— В ваших последних книгах «Золотой ключ», «Родословное дерево» и многих других публикациях вы часто пишете о том, какую роль играла книга на Руси. Почему в нашей стране ископеек веков царит любовный культ книги? Какие черты прежних книголюбцев унаследованы, на ваш взгляд, советскими читателями?

— Одна из глубинных особенностей русской культуры — в ее своеобразном книжном характере. Наша отечественная культура как бы настаяна на книгах, выдержана на исключительном уважении к печатному слову. Рукописная книга издавна осязавалась не как личное, а как общенациональное достояние. Еще Древняя Русь ценила рукописи как сокровища. Иметь несколько книг означало обладать целым состоянием, многие рукописи одевались в массивные переплеты — оклады, украшались драгоценными камнями и многоцветными сверкающими эмальями. Такое царское облачение рукописной страницы было естественным. Как верно отметил знаток древнерусской литературы, академик Д. С. Лихачев: «Каждое произведение Древней Руси рассчитано не на обычное, беглое чтение, а на прилежное «книжное» чтение» в поисках книжной мудрости и книжного наставления. Средневековый русский читатель обращался с книгой как с безусловной духовной ценностью, его чтение было отмечено благоговейностью. Не случайно на старых книгах встречаются записи: «Горе тому, кто черкает у книг по полям, на том свете бесы исчеркают ему лицо железом!», «Эту книгу ни прода-ти, ни отдать нельзя...»

Подобное истовое отношение к книге можно легко проследить и в следующих веках российской истории, вплоть до наших времен.

И сегодня это трепетное, уважительное отношение к книге — то, что определяет настоящего читателя. Таких искренних друзей книги у нас в стране миллионы. Над книгами словно витает рачительная забота всех читательских поколений; даже «огненные пальцы истории» только слегка опалили их, ибо в России «рукописи не горят!». Эта любовь к книге стала сейчас в нашей стране общенациональным состоянием. Как тут не вспомнить пронзительное пушкинское прощание со своей библиотекой, предсмертные слова, прозвучавшие на века: «прощайте, друзья». Эти слова были обращены к книгам.

Беседу вел
А. КОРОЛЕВ.